BOOK REVIEW

Hasegawa indicates in various parts of his book that he actually supports the “two-island reversion” idea. For example, he states that “I consider it better for Japan to get two islands rather than ending up getting no islands by adhering to the ‘four-island reversion’ policy” (page 2).

Only when we understand that Hasegawa is in fact a supporter of the “two-island-reversion” proposal, we can fully understand his arguments in the remaining chapters of the book, such as his apparent support for the views of Professor Wada Haruki and Professor Nakajima Mineo regarding the “two-island reversion” idea and his contention that Tokyo has often missed opportunities offered by Moscow to get back *the islands*. It is not clear, however, what Hasegawa means by “the islands.” The Russian government has never shown any willingness to return all four islands to Japan. Moscow has offered the reversion of only the two smaller islands, whereas Tokyo has always demanded the return of all four islands. Japan has certainly not missed any opportunities.

Despite these few shortcomings, however, there is no doubt that this book will remain for decades to come as a highly valued historical account of Russo-Japanese relations during the Gorbachev and Yeltsin periods.

Kimura, Hiroshi
(*The International Research
Center for Japanese Studies*)

В. Туниманов: *Кавказские повести Л. Н. Толстого* (Slavonic Studies: The Journal of the Russian Department, Faculty of Letters, Hokkaido University. No. 3-4. pp. 375-478. 1999. Sapporo)

Несмотря на лаконичный стиль и прямой метод, эта статья произвела на меня неоднозначное впечатление, главным образом, из-за ее структуры: в этой статье сосуществуют текст и метатекст, рассказывающий об обстоятельствах, при которых создавался текст. Статья состоит из предисловия, главной части и «Элегического эпилога». Предисловие, которое называется «От автора», было написано В. Тунимановым в 1995 году, когда он пребывал в г. Саппоро как приглашенный профессор Славянского Исследовательского Центра Университе-

BOOK REVIEW

та Хоккайдо. А главная часть и эпилог, согласно этому предисловию, были написаны до 1992 года с целью издания отдельной книгой «для широкого круга читателей». Подготовка книги дошла до стадии второй корректуры, а потом прекратилась. Причиной этого автор называет быстрое уменьшение интереса к классической литературе в России и антипатию современных русских читателей к Толстому, потому что он при жизни беспощадно осуждал православную церковь и династию Романовых. Обе причины убедительны для меня: в последний период «перестройки» и после развала СССР, когда я жил в Москве, Толстой был заметно непопулярен по сравнению с Достоевским и даже с Блоком или Булгаковым. Главная часть и эпилог являются завершенным текстом, который написан с определенным намерением. Считается, что неоднозначное впечатление всей статьи происходит из-за вставки в нее предисловия, в котором сам автор поясняет процесс создания и цель остального текста.

Если говорить исключительно о главной части и эпилоге, т. е. допустить, что отдельная книга Туниманова вышла в свет в таком же виде, как он первоначально намеревался, то ее характерные черты были бы ясны при первом чтении. Их можно свести к следующим трем особенностям: 1) Отрицание всяких схем, к этому моменту созданных исследователями. Например, в третьей главе главной части «История-искусство в повести 'Хаджи-Мурат'», автор, используя больше восьми страниц, возражает мнению Шкловского, который видит в «Хаджи-Мурате» намерение Толстого заменить границу между Россией и Кавказом границей, разделяющей угнетающих (Николай I и Шамиль) и угнетенных (русский народ и Хаджи-Мурат) (с.448-456). Здесь важно, что при этом автор, тем, что указывает на многочисленные детали, не соответствующие данной схеме, отрицает не столько правильность новоустановленной границы, сколько само намерение ее установить, т. е. схематизацию вообще. 2) Привязанность и абсолютное доверие к тексту. В неосуществленной книге автор отвергает всякую «своевольную» интерпретацию и схематизацию через сопоставление произведений, дневников и рукописей, а также через тщательное исследование уже существующих мнений о Толстом; он пробует вследствие этого найти тот же самый смысл тек-

BOOK REVIEW

ста, какой Толстой влил в свои произведения. Например, в первой главе главной части «А горы...», рассуждающей об общем взгляде Толстого на Кавказ, отвергается известная мысль Б.Эйхенбаума в «Молодом Толстом»: кавказские повести как борьба против романтизма. И утверждается такое мнение, что Толстым преодолевается не только литературная школа, но и устойчивое «предание о Кавказе» (с.376). Единственная правда, трансцендентная над всякими мифологиями, сложенными человеком, для Толстого – не что иное, как кавказские горы, т.е. «природа». Во второй половине этой главы полностью проявляется такая позиция автора. Для того, чтобы выяснить роль «природы» в мировоззрении Толстого, сначала детально рассматривается его частное письмо 1859 года, в котором Толстой говорит о своем чувстве отчужденности, возникшем от вида с Жеманской горы, который, по Толстому, красив, но никак не является «природой». Потом автор упоминает о мнениях Эйхенбаума, Лескова, Мережковского, Бунина, Томасса Манна, Хэмингуэя и др. по поводу взгляда Толстого на природу и рассматривает их одно за другим (с.382-410). В конце концов он делает вывод, что кавказская панорама была для Толстого «воплощением красоты мироздания». Значит, этот процесс хождения туда и обратно от текстов Толстого к другим, который развертывается на протяжении 29 страниц, говоря с логической точки зрения, не больше, чем подтверждение уже заранее предложенного тезиса. Но все-таки нельзя не заметить, что сам этот процесс очень привлекателен для чтения. 3) Лейтмотив неосуществленной книги В. Туниманова, как я уже выше упомянул, «природа» в мировоззрении Толстого. Книга описывала бы, следуя взглядам Толстого на Кавказ, презрение писателя ко всему «выдуманному» и его ностальгию по «природному». Такая концепция никак не новаторская в истории изучения Толстого, но в «Элегическом эпилоге» она неожиданно оказывает большое воздействие на читателей: учитывая столкновение между народами на Кавказе после развала СССР, автор призывает читателей к тому, чтобы вспомнить о толстовском «Кавказе как воплощении природы» и на этом фоне – об относительности всяких позиций, «выдуманных» разными лагерями конфликта, который происходит в действительности.

BOOK REVIEW

Предисловие «От автора» открывает нам процесс возникновения вышеупомянутой концепции книги, последовательной в ее стремлении и не осуществленной из-за внешней ситуации. После объяснения причин, почему книга не осуществилась, автор рассказывает об истории своей литературной жизни. В. Туниманов с родителями переселился в Грозный в 1947 году и провел свое детство и юность именно в этом городе. Его жизнь на Кавказе длилась до периода, когда чеченцы и другие национальности начали возвращаться домой из мест, куда их изгнали при сталинском режиме. После учебы в Ленинграде В. Туниманов одно время преподавал в Грозном русскую литературу «горцам», которые были вынуждены присутствовать на этой лекции. Но по его мнению, несмотря на все усилия, реакция слушателей оказалась неположительной. После этого В. Туниманов окончательно переселился из Грозного в Ленинград для дальнейшего изучения литературы. Однако нельзя сказать, что автор здесь занимается описанием реальности, потому что из описания его отношений с Кавказом заметным является то, что Туниманов всегда отказывался считать действительность перед своими глазами «настоящим Кавказом» и находил его только в различных представлениях русской литературы об этом месте. Для молодого Туниманова единственное из среды, окружающей его и стоящей названия Кавказа, явилось видом гор, которые не изменяются веками, другими словами, «природой». Автор описывает впечатление, которое он получил от Кавказа после своего отъезда с него: «Иногда мерещилось, что весь этот кажущийся спокойным и благополучным мир не больше, чем мираж и эфемер. Стоит лишь дохнуть холодному ветру или исчезнуть какому-то одному невидимому, но важному элементу странного мира, и все полетит вверх тормашками к чертовой матери» (с.365). Это описано Тунимановым, разумеется, имея в виду строки романа Достоевского «Подросток», известные как выражение петербургской мифологии. Это не простая пародия: «природа» Толстого, к которой автор последовательно стремится в своей неосуществленной книге, является такой установкой, на фоне которой все общественные, исторические и национальные конфликты превратятся в бессмысленное и пустое, как будто «мираж и эфемер». И такая позиция, которую автор описывает, доверяя

BOOK REVIEW

Толстому, была приобретена им путем отказа от истории и действительности Кавказа, а также путем своего внедрения в контекст русской литературы.

Как уже было сказано, мое впечатление от этой статьи довольно неоднозначно. «Природа» автора — не реальность, а скорее символ под этим названием. В статье им последовательно сделано обратное проектирование символа на действительность. Очевиден логоцентризм статьи: он ярко выражен до такой степени, что автор ассоциирует даже действительность, касающуюся его самого, с петербургской мифологией. Такие приемы, как отказ от всякой схематизации, поиск по многочисленным текстам Толстого и других авторов, тщательный их анализ, сами опираются на безграничное доверие дискурсивному пространству литературы. Если говорить с точки зрения современной методической критики, не так трудно было бы считать такую позицию традиционной, классической или устаревшей. С другой стороны, никак нельзя отвергать факт накопления изучений Толстого, существующих на фоне этой статьи, а также привлекательность мастерства автора, вникающего даже в самые незаметные детали. Здесь наличествует изящная и уникальная речь, которую западная современная критика давно утратила за счет определенности понятий. Правда, что начало, на которое опирается такая речь, сейчас разрушается и в России: после развала социалистического режима вместе с уменьшением и специализацией читательского круга быстро становится явным новое стремление очистить литературоведение и критику как жанр. Но я невольно задумываюсь: если литература не развивается, а просто изменяется, что же такое новизна в ней? Мы можем узнать из предисловия «От автора» еще и то, что логоцентризм у В. Туниманова был образован в противовес действительности, он сам это также четко сознает. Наверное, автор заранее знал, что его статья подвергнется такой критике, которую я выше перечислил. Его обнаженный логоцентризм не самоцель. Это для него не что иное, как главное средство для того, чтобы бороться с действительностью. Путем слежения внутри текста невозможно распознать присутствие осознания автором относительности своего логоцентризма. Если книга Туниманова издалась бы без «От автора», как он сначала намеревался, то ее

BOOK REVIEW

текст уложился бы в рамках традиционного изучения Толстого. То, что Туниманов был вынужден написать это предисловие из-за внешнего фактора, в конце концов, было неожиданной для него самой счастливой случайностью. После освещения предисловием остальной текст представляется совершенно другим образом. Эта статья ценна тем, что является типичным высказыванием русской (советской) интеллигенции, которая посредством литературы стремится противостоять действительности и преодолеть ее, и одновременно четко показывает нам причину и процесс возникновения такого высказывания. Статья была напечатана университетом Хоккайдо как отдельный оттиск и получила некоторые отклики. Но ожидается, что наступит день, когда она, включая «От автора», станет известной «широкому кругу читателей» России.

НАКАМУРА Тадаси
(Университет Ямагата)